

Георгий Данелия

Кот ушел,
а улыбка осталась

РИПОЛ КЛАССИК

Георгий Николаевич Данелия

Кот ушел, а улыбка осталась

Серия «Классика жанра»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8885246

Кот ушел, а улыбка осталась: РИПОЛ классик; Москва; 2023

ISBN 978-5-386-15077-8

Аннотация

Георгий Данелия – известный во всем мире культовый в советском и постсоветском пространстве режиссер и сценарист.

В XXI веке Георгий Данелия написал несколько книг, ставших бестселлерами, и фактически создал жанр короткометражного рассказа.

В третьей книге «Кот ушел, а улыбка осталась» цикла из трех книг оживают конец восьмидесятых-девяностые, не самые благожелательные и праздничные для кинематографа. Без назидания, но с потрясающей мудростью, накопленной за годы жизни и работы в кинематографе, с удивительным чувством юмора, автор рассказывает о своей семье, времени, в котором ему довелось жить и работать, друзьях, коллегах и многих всемирно известных людях, с которыми свела его судьба на съемочной площадке и в обыденной жизни. И ведь память часто предлагает варианты: сегодня вспомнишь так, а завтра иначе.

«Итак, в тех двух книжках я рассказал, как снимал двенадцать фильмов: „Тоже люди“, „Сережа“, „Путь к причалу“, „Я шагаю по Москве“, „Тридцать три“, „Не горюй!“, „Совсем пропащий“, „Афоня“, „Мимино“, „Осенний марафон“, „Слезы капали“, „Кин-дза-дза!“. Осталось пять: „Паспорт“, „Настя“, „Орел и решка“, „Фортуна“, „Ку! Кин-дза-дза!“».

Георгий Данелия

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Признание	6
Вместо предесловия	7
Броня крепка	8
Отмечание окончания	12
Два грузина с умными глазами	15
Граница	17
В красной рубашоночке	19
Суточные пусть евреи дают!	21
«Филип Моррис»	23
Израиль	32
Вор сказал: Вай! Вай!	36
Вода из Иордана	39
Не угодили!	42
Мужичок в матерчатых тапочках	44
Мравалжамиер (многие лета)	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Георгий Данелия

Кот ушел, а улыбка осталась

© Данелия Г. Н., наследники, 2023

© ИП Серебренников В. Б., кадры из фильмов, 2023

© Храмцов А. Ю., художественное оформление, иллюстрация, 2023

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2023

* * *

– А не могли бы вы появляться и исчезать не так внезапно? А то у меня голова идет кругом.

– Хорошо, – сказал Кот и исчез, на этот раз очень медленно: первым исчез кончик его хвоста, а последней – улыбка; она долго еще парила в воздухе, когда все остальное уже пропало.

«Ну и ну! – подумала Алиса. – Видала я котов без улыбок, но улыбка без кота! Такого я в жизни еще не встречала!»

Льюис Кэрролл. «Алиса в стране чудес»

Признание

Первую книжку «Безбилетный пассажир» мне помогала написать Татьяна Кравченко (писательница). Вторую, «Гостуемый пьет до дна», и третью «Кот ушел, а улыбка осталась» – Елена Машкова-Сулакадзе (моя ученица, кинорежиссер).

Я им очень благодарен за это!

Вместо предесловия

*Эту книжку я посвящаю другу моему Юрию
Росту*

Город Нью-Йорк. Утро после банкета. В кармане ни цента.
Пошел гулять. Навстречу мужик. Когда поравнялись, мужик спросил:

– Мистер, ай эм алкоголик. Кен ю хэлп ми?

– Икскюз ми, сэр, ай эм алкоголик ту, – ответил я.

Броня крепка

2012 год, февраль. Сидим в мастерской: Эдик Беляев (режиссер), Саша Храмцов (художник), Слава Бойков (монтажер) и я. Работаем над раскадровкой эпизода «Бункер Пж», анимационного фильма «Ку! Кин-дза-дза». Вошел мужчина. Высокий. Солидный. С осанкой военного. В темном драповом пальто с каракулевым воротником, в каракулевой шапке пирожком. В руке портфель, в другой небольшой фиолетовый потертый чемоданчик. Гость опустил тяжелый портфель на пол, чемоданчик положил на стол. Снял пальто, шапку, повесил на вешалку. Одернул пиджак.

– Разрешите представиться. Чурин, Александр Петрович, журнал «Броня», я вам звонил.

– Слушаю вас.

– Минуту терпения. Сейчас приступим.

Чурин открыл чемоданчик, это оказался патефон. Достал из портфеля пластинку в футляре, поставил ее на диск патефона. Пустой футляр от пластинки с названием «Военные марши» прислонил к компьютеру. Вставил в паз ручку, завел патефон. Проверил иголку, поставил мембрану на пластинку. Зазвучал марш «Броня крепка и танки наши быстры». Чурин достал из портфеля иконку Божьей Матери, поставил на полку за мной. Вынул из портфеля бронзовый подсвечник и свечку. Подсвечник поставил на стол. Свечку вставил в

подсвечник. Щелкнул зажигалкой. Извлек из портфеля толстую книгу с названием «История духовых инструментов» и фотографию генерал-майора в золоченой рамке. Их он тоже приспособил на полку. Вынул из портфеля фотоаппарат «Зенит». Отошел к стенке, нацелил фотоаппарат на меня.

– Георгий Николаевич, руки на колени положите. Чуть прямее сядьте. Смотрите в объектив. Так, хорошо. Молодой человек, держи, – он протянул фотоаппарат Эдику Беляеву. – Встань на мое место, сюда смотришь, сюда нажимаешь, больше ничего не трогаешь.

Чурин встал рядом со мной, положил руку мне на плечо, как это делали наши предки на старых фотографиях.

– Готов?

– Готов.

– Все вошло?

– Все.

– Улыбаемся. Снимай.

Эдик щелкнул.

– Порядок?

– Порядок.

– Генерала я не перекрывал?

– Какого генерала?

– Прокофьева, Андрея Варфоломеевича, – показал на фотографию в рамке.

– Плечом, чуть-чуть.

– Отставить! Сделаем так. – Чурин взял фотографию ге-

нерала и дал мне в руки, – держите, Георгий Николаевич. Прямо перед собой. Чуть-чуть повыше. Хорош. Улыбаемся. Снимаем.

– Вы книгу перекрываете.

– Хрен с ней, с книгой! Ты не отвлекайся, фотографируй.

Потом Чурин попросил Эдика щелкнуть меня одного с фотографией в руках. Потом сам сел на мое место, но фотографию в руки не взял, а поставил рядом с иконой на полку. Потом попросил сфотографировать только генерала с иконой. Потом остановил патефон, пластинку вложил в футляр, отложил в сторону, затушил свечи, аккуратно собрал все в портфель. А пластинку «Военные марши» вручил мне:

– Почитайте, что тут все написано.

Я прочитал: «Создателю фильма «Я шагаю по Москве», режиссеру Георгию Данелия на добрую память. С искренним уважением и наилучшими пожеланиями, от коллектива журнала «Броня», ко дню Метростроевца».

Чурин оделся, обещал прислать журнал с фотографиями, пожал мне руку (его рукопожатие было крепким), забрал портфель, патефон и удалился.

– Коллеги, – обратился я к соратникам, – вы это тоже видели, или у меня галлюцинации?

– Тоже видели.

– Запомнили?

– Запомнили.

– Если я когда-нибудь это опишу, подтвердите, что все так

ОНО и было?

- Подтвердим. А вы будете писать третью книжку?
- Если этот фильм закончим когда-нибудь.

Между прочим. Над фильмом «Ку! Кин-дза-дза» мы работали семь лет. Фильм шел очень трудно.

Отмечание окончания

Фильм вчера закончили и отметили это. Сегодня проснулся, голова не болит, не тошнит. Обидно. Когда снимаешь фильм, как будто бежишь стометровку. Не хватает времени, каждая секунда дорога: придумать, решить, сделать. Иногда работа в три смены. Перезапись, озвучание, монтаж. Когда фильм закончен, просыпаешься – как будто с разбега в стену врезался. Пустота! Не о чем думать.

До 86-го года смягчало удар отмечание окончания. После банкета просыпаешься утром, голова болит, тошнит, решаешь, что лучше: принять пирамидон (лекарство от головной боли) или пойти выпить пиво? Есть о чем думать.

А в 86-м году я бросил пить (закодировался), и «Ку! Кин-дза-дза» – пятый фильм, после «отмечания-окончания» которого просыпаться не хочется. Просыпаешься, голова ясная, состояние рабочее, вскакиваешь, чтобы принять душ и привести себя в порядок. А зачем?!

«Голова моя пуста, как пустынные места,
я куда-то улетаю, словно дерево с листа...»

Геннадий Шпаликов

После фильма «Фортуна» меня спасало то, что я писал книжки «Безбилетный пассажир» и «Тостуемый пьет до

дна». И сейчас зачем изобретать велосипед? Надо заставить себя написать еще одну книжку. Но о чем в ней рассказывать? Все интересное я уже написал. А записки старика, который бросил пить, курить и любить, читать весьма скучно. Хотя так же я думал перед тем, как принялся писать книжку «Тостуемый пьет до дна». И тогда я тоже боялся, что она будет намного хуже первой и что мои друзья, когда прочтут ее, скажут: «Надо было ему вовремя остановиться. Жалко старика». Но вторая как-то проскочила. Может, и эта проскочит? Что ж, попробуем.

Для тех, кто не читал те две книжки, расскажу коротко, что в них было.

Родился я в Тбилиси. Через год меня привезли в Москву, где и живу по сей день. Когда я окончил среднюю школу, отец сказал, что надо отдать меня во ВГИК. «Почему во ВГИК?» – удивилась мама. «А куда его девать, такого дурака», – объяснил отец. Во ВГИК я не пошел. Окончил Архитектурный, потом режиссерские курсы при «Мосфильме», стал кинорежиссером и с мокрой задницей и вставными зубами в кармане ездил на лимузине с советским флагом получать чужого «Оскара». Если не читали, то ничего и не потеряли. Эту тоже можно не читать, хотя... тогда вы никогда не узнаете, при каких обстоятельствах первый президент СССР Михаил Сергеевич Горбачев увидел меня без штанов.

Итак, в тех двух книжках я рассказал, как снимал двенадцать фильмов: «Тоже люди», «Сережа», «Путь к прича-

лу», «Я шагаю по Москве», «Тридцать три», «Не горюй!», «Совсем пропащий», «Афоня», «Мимино», «Осенний марафон», «Слезы капали», «Кин-дза-дза!». Осталось пять: «Паспорт», «Настя», «Орел и решка», «Фортуна», «Ку! Кин-дза-дза».

Итак, идем по порядку.

Два грузина с умными глазами

(фрагмент киносценария)

Коридор венского аэропорта (день).

По длинному коридору среди прочих пассажиров идут два невысоких немолодых симпатичных грузина с умными глазами. Они катят перед собой багаж на тележке.

Терминал компании «Эль Аль» (день).

Симпатичные грузины входят в терминал и останавливаются.

Тревожные лица симпатичных грузин.

По периметру терминала стоят полицейские с собаками.

На балконе выстроились автоматчики.

В зале сотрудники спецслужб (в штатском) и австрийские таможенники (в форме) внимательно досматривают пассажиров, проверяют металлоискателем, открывают чемоданы.

Симпатичные грузины бесстрашно входят в зал, подходят к таможеннику. Первым предъявляет свой багаж на досмотр лысый грузин. (Большой чемодан и маленький).

Таможенник неловко открывает маленький чемоданчик, и из чемоданчика на пол с грохотом летят картонные брикеты.

Пассажиры быстро ложатся на пол и прикрывают головы руками.

Автоматчики на балконе вскидывают автоматы.

Симпатичный лысый грузин, мгновенно подняв руки вверх, истошно кричит приятным голосом.

Лысый грузин:

– Не стреляйте, господа! Итс нот бомбс!

Нелысый грузин без усов тоже мгновенно поднимает руки.

Нелысый грузин (тоже приятным голосом):

– Джентльмен-с! Ви а нот террорист. Ви а гуд сценарист!

К симпатичным грузинам подходит полицейский с умной собакой.

Умная собака обнюхивает сигареты и говорит полицейскому приятным бархатистым баритоном.

Умная собака (немецкий):

– Ложная тревога, лейтенант. Это табак, плохой – опилки и всякая дрянь.

Умная собака переводит свои коричневые глаза на симпатичного лысого грузина и говорит на русском, с легким акцентом:

– Ты бы лучше бросил курить, а не пить, хер Данелия. И не обижайся, дорогой, «хер» по-немецки – господин, а не то, что ты думаешь.

Нелысый грузин (тихо):

– Нет уж. Пусть лучше курит...

В 86-м году мы с Резо Габриадзе летели в Израиль изучать материал и писать сценарий для фильма «Паспорт». На месяц я вез с собой 60 пачек сигарет «Аполлон».

Граница

В конце семидесятых я летел в Италию через Вену. В «Шереметьево 2» передо мной проходила паспортный контроль семья, уезжающая в Израиль: муж, жена, дети (две девочки и мальчик) и старик лет восьмидесяти. Все прошли. Протянул свой выездной документ (серую бумажку с фотографией) в окошко и старик. Пограничник начал внимательно ее изучать: смотрит на бумагу, потом на старика, опять на бумагу и снова на старика. И так минут пять. Потом снял телефонную трубку, что-то сказал тихо. Старик побелел, начал шарить по карманам, достал дрожащей рукой валидол.

– Проходите, – пограничник поставил штамп и возвратил старику его документ.

В самолете я оказался рядом с ним. Старик сказал:

– Я фронтовик, до Кёнингсбера дошел, но так страшно мне никогда не было. Я подумал – а вдруг он меня не пустит! Конец! Квартиру сдали государству, с работы уволили, паспорта нет. Родных больше не увижу! Никогда!

Тогда для тех, кто решил уехать в Израиль и пересек границу, дороги назад не было. Туда уезжали навсегда!

Много позже мы с Резо Габриадзе придумали такую историю.

Грузин был женат два раза. Первая жена была еврейка (она скончалась), а вторая – грузинка. От первой родился

сын Яша, от второй Мераб. Яша уезжает с семьей в Израиль. Мераб его провожает. В Москве в аэропорту Мераб захотел выпить с братом на прощанье по бокалу шампанского. В буфете с нашей стороны алкогольных напитков не было (антиалкогольная компания), а за паспортным контролем было все – там заграница. Мераб по выездному документу брата (они очень похожи) прошел паспортный контроль (пересек границу), купил бутылку шампанского, но обратно его не пустили. И он вынужден лететь в Вену и там обратиться в советское посольство. А дальше его бесконечные мытарства по разным странам. И тюремные фотографии – в фас и профиль.

Действие предыдущего фильма «Кин-дза-дза!» происходило на далекой планете Плюк. Слетать на этот Плюк нам не довелось, но, поскольку и другие там не бывали, мы могли придумывать и показывать все, что в голову придет. Израиль в то время для нас был такой же далекой планетой, как Плюк. Мы о нем мало что знали. Но теперь давать волю фантазии было сложнее: нас могли уличить. И для того, чтобы написать сценарий, надо было побывать в Израиле. Посмотреть, что там и как.

В красной рубашончке

Дипломатических отношений с этой страной у СССР не было, и командировать нас туда никто, кроме Общества дружбы с зарубежными странами, не мог. Председателем этого Общества была первая и единственная женщина-космонавт, очаровательная Валентина Ивановна Терешкова. Мне посоветовали обратиться к ней. Встретила она нас приветливо и сказала, что ближайшая делегация в Израиль планируется только в следующем году. Но в конце лета в Иерусалим поедет на гастроли Омский хор, и она может устроить, чтобы и мы поехали вместе с ним. Запишут как солистов, но суточные платить не смогут. Коллектив хороший, девчата не дадут с голода умереть. Ну и с собой можно консервы взять.

И я представил такую картинку. Иерусалим, на сцене концертного зала Омский хор. Статные, кровь с молоком, сибирячки исполняют песню «Степь, да степь кругом...». Среди них – маленький лысый грузин, в шелковой красной рубашонке и желтых хромовых сапожках, старательно открывает рот. А сидящий в зале бывший ведущий советский кинокритик говорит бывшему советскому сценаристу:

– Вон тот маленький, зелененький – это переодетый кинорежиссер Георгий Данелия.

– Вижу. Ну что ж, теперь и ежу ясно, кто он и почему его

так часто на фестивали посылают, – говорит бывший советский сценарист.

Между прочим. В Канаде на следующий день после показа фильма «Мимино» ко мне в гостиницу пришла журналистка. Она расспрашивала меня о кино и литературе, архитектуре и живописи, о любви и судьбе человечества. (Она говорила по-русски с приятным акцентом.) Ей нравилось, как я отвечал, она смеялась над моими шутками. Меня трудно разговорить, но у нее, молодой и привлекательной, получилось.

А на следующий день в газете, на последней странице, появилась моя маленькая фотография, под которой было написано: «...ни по одежде, ни по манере поведения советский режиссер Георгий Данелия не похож на агента КГБ, каким он на самом деле является...»

Суточные пусть евреи дают!

Но стать солистом Омского хора мне не довелось. Кинорежиссер Андрей Кончаловский в Москве познакомил меня с крупным американским продюсером Менахемом Голаном. Менахема сюжет заинтересовал, и он предложил писать сценарий в Израиле. Я позвонил в Тбилиси Резо Габриадзе и уговорил его поехать со мной на месяц в Израиль и там написать синопсис.

– Но только на месяц, не больше. У меня театр, – предупредил Резо.

Менахем улетел, а через неделю пришло приглашение на Данелия и Габриадзе и два билета первого класса в Тель-Авив.

В то время уже началась горбачевская перестройка. Коснулась она и кино. В мае 1986 года в Кремле прошел Пятый съезд кинематографистов, революционный. Впервые за всю историю Советского Союза делегаты съезда отказались голосовать за список, одобренный в ЦК КПСС. Они потребовали, чтобы каждого кандидата в члены Правления обсудили индивидуально, а голосование было бы не открытым (списком), а тайным. И добились своего. А потом, когда подсчитали бюллетени, оказалось, что никто из признанных кинематографистов в это Правление не попал. А я попал в правление, хотя считался признанным. Почему, не знаю. Скорей

всего, про меня забыли. (Моего друга, в то время самого известного в мире советского кинематографиста Сергея Бондарчука, не выбрали даже делегатом этого съезда.)

После съезда выпустили на экран лежащие на полке запрещенные фильмы. Заменяли министра кинематографии, первого секретаря Союза кинематографистов, директора «Мосфильма» и многих других. И когда мы с Резо появились в Госкино с приглашением и билетами, там никто не знал, кто останется, а кого заменят. И нам сказали:

– Летите куда хотите. Перестройка!

– А переводчик, а суточные?

– Нет у нас денег! Переводчика и суточные пусть вам евреи дают, раз уж они такие богатые.

«Филип Моррис»

Перед отъездом в Израиль я был у Сергея Бондарчука.

– Сколько просить за сценарий? – спросил я его.

– Проси сто тысяч долларов.

– Долларов?!

– Долларов. Подожди, – Сергей достал из ящика коробку. – Это у тебя какие часы? – спросил он.

– «Полет». Подарок любимой женщины.

Сергей открыл коробку, извлек из нее часы с массивным золотым браслетом.

– На переговоры эти надень.

– Зачем?

– Там все имеет значение, на какой машине приехал, что на тебе надето, какие у тебя часы. Это – «Патек Филипп¹», мне Юл Бриннер подарил. Приедешь, вернешь.

Дома я начал считать: «Доллар на черном рынке десять рублей. 100 тысяч долларов – это миллион рублей! По 500 тысяч на брата»! – «Волгу» куплю, с рук 15 тысяч. 500 минус 15 остается 485. Дачу куплю! Это 485 минус 20 – остается 465. Да...

Я взял бумагу, карандаш, начал распределять – семье, родным, друзьям, соратникам. Запутался. Ладно, пусть сна-

¹ Patek Philippe.

чала заплатят, потом уж как-нибудь разберемся...

В самолете, когда летели в Тель-Авив, я показал Резо бондарчуковские часы и объяснил их назначение.

– А сколько там платят, ты у него не спросил? – поинтересовался Резо.

– Спросил. Он сказал, что с этими часами нам дадут сто тысяч долларов.

– Долларов?!

– Долларов.

Резо подумал и сказал:

– «Волгу» куплю!

– 15 тысяч. 500 минус 15. Остается 485 тысяч.

– Дачу куплю!

– 20 тысяч. Остается 465 тысяч.

Пауза.

– Дубленки куплю, болгарские, Крошке и Левану! (Жене и сыну).

– Еще тысяча. Остается 475.

– Ладно! Давай лучше про сценарий будем говорить.

Между прочим. В те времена пределом самых смелых мечтаний граждан Советского Союза были машина «Волга», дача и болгарская дубленка.

В Израиль мы летели через Вену. В венском аэропорту был эпизод с сигаретами, о котором я рассказал в эпизоде про умную собаку с приятным бархатным баритоном. В Тель-Авив прилетели в пять утра, приземлились в аэро-

порту Бен Гурион. (В целях безопасности самолет летел ночью.) Когда на паспортном контроле мы предъявили советские паспорта, пограничники долго выясняли, что это такое: служебные советские паспорта с синей обложкой были для них в диковину. В аэропорту нас встречали Саша Кляйн (от фирмы Голана), Михо Мирианашвили и Морис Джанашвили (от грузинских евреев). Михо и Морис потом уделили нам много внимания. Когда вышли из здания аэропорта, там стояли встречающие. У них были такие теплые глаза, они так искренне радовались, когда видели своего, что мне это напомнило Тбилиси. И я подумал: «Израиль мне понравится». Так оно и случилось.

Саша Кляйн привез нас в гостиницу «Хилтон», вручил ключи от номеров и сказал, что через час здесь, на втором этаже, будет пресс-конференция.

– Через час восемь утра. Никто не придет.

– Прибегут! Ваш приезд – сенсация!

Через час, когда мы вошли в небольшой зал, там действительно было полно журналистов. Представители всех СМИ, аккредитованных в Израиле. Саша Кляйн нас представил. Первый вопрос был такой:

– Господа, означает ваш приезд, что Советский Союз собирается налаживать дипломатические отношения с Израилем?

– Нет, наш приезд ничего не означает. Мы приехали по приглашению продюсера Менахема Голана писать сцена-

рий, – сказал я.

Пауза. Журналисты явно потеряли к нам интерес.

– А это будет коопродакшн? – спросил по-русски пожилой корреспондент газеты «Алим».

– Возможно. Пока не знаем.

– А кто оплачивает сценарий?

– Менахем Голан.

С Евгением Примаковым

– А почему вы приехали без кагэбэшника? – не унимался пожилой корреспондент. – Всем известно, что в каждой советской делегации должен быть кагэбэшник, хотя бы один.

– Ну, значит, кто-то из нас двоих кагэбэшник. Или я, или он. Выбирайте, – предложил я.

Журналисты засмеялись и почему-то зааплодировали.

Между прочим. Когда моего друга Евгения Максимовича Примакова назначили директором Федеральной службы разведки, внутренний голос сказал мне: «Гия! Вы с Примаковым друзья – сто лет! Много должностей за это время поменял твой друг, а ты ни с какими просьбами к нему ни разу не обращался! Настала пора! Проси!»

Я пошел к Жене и сказал:

– Женя, я еду на фестиваль в Канны. Дай мне какое-нибудь задание!

– Какое?

– Ну хотя бы горшок с цветком в гостинице на подоконнике переставить или на набережной Круазет жвачкой приклеить к скамейке снизу записку. Ну, и ваши суточные, и на непредвиденные расходы: такси, пресса, чаевые. А то в Госкино всего 3 доллара в сутки дают.

Евгений Максимович ответил:

– Георгий Николаевич, когда нам понадобится передвинуть в гостинице горшок на подоконнике или

жевачкой приклеить к скамейке снизу записку, мы обратимся к тебе. Только к тебе и ни к кому больше. Даю слово. А пока тренируйся, – он достал из ящичка пачку жевательной резинки и протянул мне.

Ну, а потом его оттуда перевели на другое место работы (назначили премьер-министром), а я так и остался неохваченным...

Так что канадская журналистка ошибалась. Не был я агентом КГБ. К сожалению...

После пресс-конференции я позвал Резо к себе в номер, зашел в ванну, пустил воду и сказал шепотом:

– Там микрофоны. Давай договоримся, если спросят, а сколько у нас платят за сценарий, скажем, что это конфиденциальная информация. Иначе, если мы скажем, что у нас платят 600 долларов, они так и заплатят.

– Почему 600? – спросил Резо.

– Потому что за сценарий платят 6 тысяч. Делим на 10, получается 600.

(Безопасному обмену информацией в ванной под шум воды меня научили в Лос-Анжелесе. Расскажу об этом позже.)

Саша Кляйн ждал нас в машине у подъезда гостиницы. Когда сели и поехали, Резо вспомнил:

– Гия, а где наши бондарчуковские часы?!

– Тьфу! Склероз! В номере, в сейфе.

Когда приехали в гостиницу, я сразу положил часы в сейф.

– Давай вернемся! – сказал Резо.

– Плохая примета! – Саше Кляйну не хотелось развора-

чиваться (он был за рулем).

– Ничего, в зеркало посмотрюсь. – сказал я. – Возвращайся!

Приехали на киностудию. Менахема Голана в то время в Израиле не было, он продюсировал фильм в Венгрии. Нас принял директор студии Ицек Колл. Он угостил нас кофе и поинтересовался, кого мы планируем на главного героя.

– Вахтанга Кикабидзе.

– Русский актер?

– Грузинский.

– Менахем вряд ли согласится на грузинского актера.

– Это принципиально, – я поднял руку, посмотрел на часы и спросил:

– Извините, который час по местному времени?

Ицек сказал. Я перевел стрелки.

– Гия, у тебя опять новые часы? А это какая фирма? – спросил Резо (об этом вопросе мы договорились заранее).

– На сей раз «Филип Моррис», – сказал я.

– А что, они и часы уже выпускают? – удивился Ицек Колл (Philip Morris – марка американских сигарет).

– Да, – не без гордости сказал я.

И понял, самое время спросить:

– Господин Колл, а сколько вы нам заплатите за сценарий?

– Менахем планирует, что сценарий и постановку вам оплатит «Мосфильм», – сказал Ицек.

Пауза. Ангелы в небе запели «Чито-грито» скорбными го-

лосами.

– А сколько платят у вас? – поинтересовался Ицек Колл.

– Это конфиденциальная информация, – сказал Резо. И вздохнул.

Израиль

Поскольку из Советского Союза мы с Резо приехали одними из первых, грузинские евреи оказывали нам большое внимание и чуть ли не каждый день устраивали в нашу честь банкеты. Грузинская кухня, хоровое пение. Все масштабно, радушно, но для непьющего человека слегка утомительно.

В центре зала дети в черкесках пляшут лезгинку. Слева от меня стоит мама и показывает, который из танцующих ее сын. Справа кто-то громко объясняет в ухо, где он жил в Кутаиси и как туда добраться. Сзади кто-то пытается со мной сфотографироваться. А тамада с рогом в руках в микрофон произносит тост. И всё это снимают на видео.

Антисемитизма в Грузии не было никогда. Еще со времен царя Ираклия сохранился указ, который гласил, что в районах, где проживают евреи, свиней держать запрещено. Но одними из первых из Советского Союза в Израиль уехали грузинские евреи. Уезжали они в основном по религиозным соображениям. И в Израиле они сохранили добрую память о Грузии. Создали ансамбль грузинских песен и танцев, издавали книги и газеты на грузинском языке, поставили памятник Шота Руставели.

Тель-Авив, несмотря на военный конфликт Израиля с соседями, по своей ауре был мирным городом. В Москве в то время выходил на улицу и как-то не по себе. Атмосфера

страха. А в Тель-Авиве по ночам, когда не спалось, я гулял по улицам, и, встретив кого-то, мне совсем не хотелось перейти на другую сторону.

Через несколько дней, рано утром, на маленькой машинке «Ибица» (Саша Кляйн за рулем) мы выехали осматривать Землю Обетованную. И думаю, в Израиле не было мест, в которых мы не побывали. Что запомнилось.

Ехали по пустыне, выкинул окуроч в окно. Саша Кляйн затормозил, задним ходом доехал до моего окурка, подобрал, затушил в пепельнице и сообщил:

– 500 шекелей штраф, Георгий Николаевич.

В Израиле больше окурки в окно я не выкидывал.

Пустыня. Шоссе. Девушка и парень целуются, оба в военной форме. Обнимают друг друга левыми руками, а в правых автоматы «Узи».

Хайфа, из окна машины видим: открылась дверь ангара, оттуда вышел человек в тулупе, валенках и ушанке. Достал из кармана сигареты и спички, закурил.

– Это Павел Липман, – сказал Саша Кляйн, – сибиряк, командир партизанского отряда, подполковник.

В Эйлате нас пригласила на обед супружеская чета. Там был и их дед. Когда дед узнал, что мы приехали из Советского Союза снимать фильм, он спросил:

– Давно приехали?

– Недавно.

– Идемте, я что-то вам покажу, – провел нас на кухню,

открыл дверцу холодильника, подозвал меня и сказал:

– Засунь руку. – Я послушался, пожилой человек, неудобно отказывать.

– Чувствуешь? Холодно? – спросил дед.

– Холодно.

– Потрогай. Лед?

– Лед.

– Думаешь, лед мы положили, потому холодно? Нет, мы воду налили, а электрический ток сам лед сделал, потому и холодно. Называется – холодильник. Нравится? Твоя жена хочет такой? Вот когда вы свою любимую-непобедимую советскую власть прогоните, сразу у всех такие будут. Тут в каждой семье есть.

Дед был одним из первых переселенцев. Уехал из Союза в 1947 году. И в то время в его имеретинской деревне не только холодильников, но даже и электричества не было.

Когда вернулись из поездки, в гостинице вместе с ключом мне дали записку: «Звонил из Москвы Доброхотов». Заказал Москву. Соединили. Юрий Доброхотов, начальник иностранного отдела «Мосфильма», спросил:

– Георгий Николаевич, на каком основании вы заявили, что будете снимать совместную картину?

– Где, когда?

– В Тель-Авиве. На пресс-конференции. Уже из Министерства иностранных дел звонили. Арабские страны протест объявили, что Советский Союз сотрудничает с Израи-

лем.

– Я сказал только, что, возможно, это будет совместная картина.

– Георгий Николаевич, что возможно, а что невозможно – не нам решать. Вы свободные художники, вас пригласил американский продюсер. Государство не имеет к этому никакого отношения. Договорились?

– Договорились.

Вор сказал: Вай! Вай!

На третий день после возвращения из поездки Ицек Колл устроил нам встречу с президентом Израиля Герцогом. На эту встречу я второй раз надел бондарчуковские часы.

– Это будет совместная картина? – спросил Герцог.

– Нет, – ответили мы, – нас пригласил американский продюсер Менахем Голан.

Президент сказал, что видел советский фильм «Война и мир». Фильм ему понравился, и он пожелал нам успеха.

В гостинице, в холле, Резо ждал израильский писатель Давид Маркиш (они вместе учились в Москве на Высших курсах сценаристов). Резо и Давид пошли пить кофе и вспоминать былое, а я решил прогуляться по набережной. Было довольно-таки жарко, и мне захотелось искупаться в Средиземном море. Народу было мало. Разделся, бондарчуковские часы спрятал в носок, а носок в ботинок. Когда вернулся, увидел, что ботинок на месте, а носка с часами нет! Вернулся в гостиницу, позвонил Саше Кляйну. Через двадцать минут он был у меня.

– Пишите заявление в полицию.

– Найдут?..

Саша пожал плечами.

– Сколько они могут стоять?

– Дорого. Тысяч десять долларов, а то и больше.

– Кошмар! Это чужие часы!

– Георгий Николаевич, можно купить китайскую реплику, долларов двести-триста. Точная копия ваших часов, кроме специалиста, никто не отличит.

– Нет, это мне не годится. ...

На следующее утро мы с Резо у меня в номере работали над сюжетом. Настроение тусклое – ничего толкового придумать не можем. Стук в дверь. В номер вошел Морис и, не здороваясь, спросил:

– Николаич, у тебя какой размер ноги?

– Сороковой, – сказал Резо.

– Тридцать девятый, – поправил я.

– Значит, размер он угадал, – Морис извлек из целлофанового пакета пару носков.

– Кто – он? – спросил Резо.

– Вор.

– Поймали? – спросил я.

– Нет. Побеседовали. Саша сказал, что у тебя вчера еще что-то украли.

– Часы. «Патек Филипп», – сказал Резо.

– Эти? – Морис извлек из кармана золотые часы.

– Эти! – сказал Резо.

– Ну, держи. На руке носи! – отдал мне часы.

– А где ты их взял?

– Саша рассказал мне, я рассказал деловым людям, деловые люди нашли вора, вор сказал: «Вай, вай, вай, я не знал,

что это ваш друг!» А носок не отдал, этот чатлах мамой клянется, что выкинул! Пришлось покупать. С тебя 2 шекеля, Николаич.

– Подожди, а это, случайно, не китайская реплика? Для меня это очень важно!

– Нет, стопроцентно фирменные. Мы проверяли.

– Тогда возьми, – Резо протянул ему два шекеля.

– Пешкеш! Подарок! – Морис денег не взял.

Когда Морис ушел, Резо сказал:

– Я уверен, что ребята скинулись и купили эти часы.

– Нет, Резо, давай считать, что вор сказал: «Вай, вай, вай...»

До конца поездки я хранил часы в сейфе, а в Москве сразу же вернул их Бондарчуку.

Вода из Иордана

В Назарете на улице с сувенирными лавками я купил для Юры Роста крестик, камушек и пробирку с водой из Иордана.

– Хотите везти в Союз? – спросил Саша Кляйн.

– Хочу.

– Отнимут на границе.

– Почему?

– Религиозная пропаганда.

– Крестик на себя надену. Камушек – просто камушек. А вода – просто вода.

– Не пройдет, Георгий Николаевич, на ней написано, что это вода из Иордана.

– Сниму этикетку.

– А вас спросят: а это за жидкость?

– Скажу, вода.

– Они спросят, зачем вы везете воду?

– Скажу, что в Израиле нет воды, поэтому она ценится.

– Но вы же не в Израиль ее везете!

Саша Кляйн, президент Израиля Хаим Герцог, Резо Габриадзе и я

– Слушай, отстань...

Когда мы улетали из Израиля, на таможне в аэропорту нас долго расспрашивали, что мы везем и нет ли у нас в багаже чужих вещей. А когда прошли пограничный контроль, там оказалось немало наших новых знакомых, грузинских евреев, которые хотели передать с нами посылки родным (в основном видеокассеты со свадьбами и бар-мицвами). Отказать было неудобно. (Как они прошли сквозь кордоны, до сих пор не знаю.) Кроме их посылок я и сам вез много мате-

риалов: книги, журналы, видеокассеты. В Москве на таможенную прислали письмо от директора «Мосфильма», что я везу материалы для работы над фильмом и киностудия просит их пропустить. Таможенник журналы перелистал – пропустил, видео выборочно посмотрел – пропустил, а когда увидел пробирку с водой из Иордана, напрягся:

– Это что?

– Вода.

– Просто вода?

– Да.

– И зачем вы ее везете?

– Потому что в Израиле нет воды, и она ценится.

– Но вы, же не в Израиль, а сюда ее привезли. А у нас с водой проблем нет!

– Если честно, это вода из реки Иордан. Я ее в сувенирном ларьке купил – мне нужно для фильма.

– Товарищ Данелия, извините, на слово не имею права верить, работа такая. Хотя бы этикетка была, что это сувенир. А так придется задержать. Проверим, если простая вода, вернем. Через месяц позвоните.

Звонить я не стал. Росту подарил камушек из Иордана и крестик. Юра Рост был доволен.

Не угодили!

После поездки по стране мы с Резо жили две недели в кибуце вместе с узниками фашистских лагерей (очень славные старички). Там написали синопсис (развернутый сюжет). Саша Кляйн перевел его на английский и отправил Голану в Венгрию.

Ответ от Голана получили уже в Москве. Голан писал, что синопсис его не устраивает. Он примет окончательное решение только после того, как у него на столе будет готовый сценарий (сто страниц). Резо сказал, что это надолго, а у него в Тбилиси театр. Посоветовал мне пригласить еще кого-то в соавторы и улетел. А я обратился к своему другу Грише Горину. Гриша отказался. Сказал мне, что я человек сомневающийся, все бесконечно переделываю, и он такой же. И если мы начнем работать вместе, то не закончим сценарий никогда. Гриша познакомил меня с Аркадием Хайтом, писателем с юмором. Синопсис Аркадию понравился, и мы начали писать сценарий. Работали плотно и за три месяца написали сценарий, перевели и отправили Голану. Ответа не было. Позвонили в Израиль Саше Кляйну, он сказал, что прошел слух, что Менахем Голан разорился (так оно и было).

Между прочим. Позвали меня на телевидение поговорить о фильме. Начал рассказывать. Меня остановили и сказали, что слово «еврей» не

надо говорить. Надо говорить «лица еврейской национальности». Тогда я спросил, как мне рассказывать сюжет фильма? Говорить, что у грузина две жены. Одна грузинка, а другая «лицо еврейской национальности»?

Мужичок в матерчатых тапочках

Побывав в Израиле, я понял, что снять там несколько общих планов, а остальное в Туркмении, как планировал раньше, ущербно. Не будет достоверности. То, что происходит в Израиле, надо снимать в Израиле! Но валюты у Госкино нет!

В то время уже начиналась перестройка и иностранные продюсеры стали появляться в Москве. Нам помогал Александр Суриков (председатель «Совинфильма»). Он давал читать сценарий американским продюсерам. Продюсеры говорили, что им это интересно, но героя должен играть американский актер, а язык должен быть английским. Меня это не устраивало. Героя должен играть Буба Кикабидзе, а язык тот, на котором говорят персонажи: грузинский, русский, иврит, английский, турецкий. Но это не устраивало продюсеров. И тогда Суриков устроил мне поездку в Канны, на фестиваль.

– Там будут все продюсеры, и мы найдем кого-нибудь сговорчивого.

Там были все, но условия не менялись. Актер должен быть американский, а язык – английский. В Канне Муза Туриничева, моя старая московская приятельница, познакомила меня с французским продюсером Константином Александровым. В отличие от других Александров был согласен снимать фильм, как я и хотел, на разных языках. Но насчет героя был непоколебим – только известный американский актер.

– Георгий Николаевич, озвучишь грузинским актером, и будет на экране грузин, – уговаривал Саша Суриков.

Но я видел в этой роли только Бубу. И все-таки на западного актера я согласился. Случилось это так. Утром после завтрака пошел гулять по набережной Круазет. Когда проходил мимо гостиницы «Маджестик», увидел у входа толпу репортеров. Они явно кого-то ждали. Остановился посмотреть. Подъехал лимузин, из него вышли два загорелых красавца в белых смокингах, а за ними мужичок в мятой серой майке и тряпочных тапочках. Корреспонденты кинулись их фотографировать. Красавцы широко улыбались, а из-за них выглядывал мужичок. Сзади меня кто-то хлопнул по плечу. Оглянулся – Константин Александров.

– Нравится?

– Нет. Если бы вот этот в тапочках был актер, его бы я взял.

– В тапочках – это Бен Кингсли, а эти двое – его охрана, – сказал Александров. – Значит, на Кингсли ты согласен? Я с ним поговорю.

Между прочим. Бен Кингсли уже сыграл Махатму Ганди и получил за эту роль «Оскар».

Вечером Константин сообщил:

– Кингсли сниматься согласен, но сейчас он занят. Освободится только через два года.

– Жалко.

– Стоп! Давай разберемся. Значит, снимать американско-

го актера ты согласен! Надо только, чтобы он тебе нравился. Так?

– Ну, так.

– Давай искать!

И Александров предложил такой план: он в Париже подбирает кассеты с кандидатами на роль Мераба, а я приезжаю и смотрю. Приглашение он пришлет.

Между прочим. Со мной Константин говорил по-английски. Говорил медленно, хотел, чтобы я его понял. И я с ним говорил по-английски медленно, потому что в институте изучал другой язык (немецкий).

Мравалжамиер (многие лета)

В Париж я прилетел с Аркадием Хайтом. Александров встретил нас на белом кабриолете «Бентли», отвез в отель «Георг 5»² (один из самых дорогих отелей мира), поселил в роскошном номере и повез ужинать в очень дорогой ресторанчик в центре Парижа. За ужином мы спросили, когда он нам выплатит суточные. Александров сказал, что будет выплачивать суточные, когда «Совинфильм» подпишет с ним договор. Мы с Аркадием переглянулись. В Госкино нам суточных не дали, сказали: «Вы едете по приглашению продюсера, он и должен вам платить».

На следующее утро Константин заехал за нами и повез к себе домой смотреть кассеты (он жил в центре, рядом с Эйфелевой башней). Я попросил его по дороге остановиться у какого-нибудь банка и там помочь нам поменять деньги. В зале банка «Дженераль» нас встретил представительный господин в черном костюме.

– Мы хотим поменять деньги, – сказал Константин.

Господин почтительно кивнул и проводил нас к одному из окошек.

– Давай деньги, – сказал мне Константин.

Я достал из кармана бумажный пакет с логотипом отеля

² George V.

«Георг 5» и протянул Александрову. Он открыл пакет, заглянул в него. Посмотрел на меня и спросил:

– Месье Данелия, все будете менять или частично?

– Все, – твердо сказал я. – Грузины – народ широкий.

За окошком сидела строгая банковская дама в круглых очках. Константин протянул ей пакет. Дама почтительно взяла пакет, раскрыла, заглянула, вынула две купюры достоинством в один и пять долларов и замерла. Потом посмотрела на шикарного плейбоя Александрова, на белый кабриолет «Бентли» у входа, на нас. Вздохнула и высыпала на стол монетки всех стран мира: шиллинги, песо, шекели, марки, йены, центы, пенсы (остатки от прошлых поездок, все, что нам с Аркадием удалось наскрести).

Дама, поджав губы, стала аккуратно сортировать монеты: цент к центру, песо к песо. Все подсчитала и выдала франки. Александров аккуратно пересчитал деньги и вручил их мне:

– Пересчитай. Здесь 72 франка. Если бы вы меня предупредили, я бы повез вас в банк с более выгодным курсом.

Мы с Аркадием наивно полагали, что Константину станет стыдно и он выплатит нам суточные. Но он вел машину и что-то напевал. Я сказал нарочито громко:

– Аркадий, у нас 72 франка (это примерно 15 долларов), как ты думаешь, хватит нам шесть дней?

– Франки надо было в Москве купить, – сказал Александров.

– У нас валюта не продается.

– Продается! Возле гостиницы «Интурист». Сколько хочешь. Доллар десять рублей. Франк – два.

– За это сажают.

– Не знаю, я много раз менял, меня никто не посадил.

А далее. Утром мы роскошно завтракали в отеле «Горький 5», ужином нас угощал Александров в дорогуших рестораничках, а днем мы покупали в бистро бутерброды с сыром и ели их на улице (есть в бистро сидя было намного дороже). На метро не ездили, на Монмартр ходили пешком. И так целую неделю. Но один раз я и днем поел сидя!

Утром телефонный звонок:

– Гия, это Манана Мегрелидзе. Я в Париже. Благодаря тебе. Спасибо.

Родители Мананы Мегрелидзе были друзьями моих родителей. Ее отца в 37-м году расстреляли, а мать посадили на двадцать лет. Манану воспитала младшая сестра матери Нуну Кавтарадзе. В 53-м году мать выпустили, отца реабилитировали посмертно, в конце восьмидесятых его философские сказки перевели и опубликовали во Франции. Манане от издательства пришло приглашение в Париж, но ее не выпускали. Я попросил помочь Манане брата моего друга Вахтанга Абрамашвили Нодара Майсурадзе, он был заместителем председателя КГБ Грузии.

И вот Манана в Париже. Она пригласила меня и Аркадия на обед. Аркадий сказал:

– Гия, если уж мы сегодня не работаем, можно я, никуда

не торопясь, погуляю по Лувру?

Манана заехала за мной в отель с пожилым грузином. Мы встретились в холле.

– Виктор Хомерики, – представился пожилой.

О Викторе Хомерики, главе грузинской диаспоры во Франции, была статья в газете «Правда». Писали, что он американский агент, который во Франции работает против Советского Союза.

Хомерики приехал на старом выдавшем виды «Форде». «Форд» долго не заводился, наконец, завелся, но заглох по дороге.

– Карбюратор, – сказал Хомерики. – Ваши все время пишут, что я агент ЦРУ, а из-за этой старой клячи никто не верит, что я американский шпион. Вернешься, скажи, если хотят, чтобы их брехня выглядела правдоподобней, пусть купят мне новую машину.

Мы приехали в грузинский ресторанчик «Золотое руно». Перед тем как войти в зал, Манана попросила меня закрыть глаза, взяла под руку и провела в зал.

– А теперь открой.

В маленьком зале ресторанчика (всего несколько столиков) сидели мои друзья Нодар Мгалоблишвили и Гия Бадридзе, причем в Париж они приехали не сговариваясь, каждый по своим делам. Гия Бадридзе случайно встретил Манану, а Манана нас всех объединила. Принимали нас хозяйка ресторанчика, два симпатичных старичка Ванечка Аса-

тиани и Баграт Цуладзе. Еда была простая, но изумительно вкусная. Я пил лимонад «Лагидзе». Остальные «Кахетинское № 8» тбилисского разлива. Мои друзья, когда узнали, что я не пью, очень огорчились. Гия Бадридзе объяснил Виктору Хомерики, что пьяный Данелия и трезвый Данелия – это два разных человека. Трезвый Данелия – это скучнейший зануда, вот он перед вами, сами можете убедиться. А пьяный – нормальный человек, пока не напьется до чертиков.

– Слушай, оставь его в покое, – сказала Манана. – Трезвый мне он больше нравится.

Было грузинское застолье. Поднимали тосты, спели «Мравалжамиер» (долгие лета). Запевал приятным тенором Виктор Хомерики. Старички и Гия Бадридзе вторили. После обеда гуляли по Парижу, а вечером пили чай в грузинской семье. Хотя это были дети и внуки эмигрантов и родились во Франции, грузинский язык они хорошо знали. После чая на трех машинах поехали в маленький кинотеатр смотреть фильм «Не горюй!». Мы ехали с Виктором Хомерики, по дороге машина два раза глохла, и он ругался. Поэтому в кинотеатр мы приехали, когда фильм уже давно начался. Копия была с французскими субтитрами, выцветшая, поцарапанная, трудно было разобрать реплики. Но зрители реагировали, смеялись и даже аплодировали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.